

Восставший из ПЕПЛА

В июне сорок первого я заканчивал второй курс Кунгурского лесотехникума. Жуткое дыхание войны быстро дошло и до нашего тихого уральского города - вся жизнь перестраивалась на военный лад...

Из 175 студентов нашего потока к завершению учебы дошли лишь 21 человек. Остальные к тому времени уже были на фронте. В декабре 1942 года нас выпустили по ускоренному учебному плану. Я получил направление на работу и бронь. К тому времени мне исполнилось 17 лет, и я решил добровольцем идти на фронт. Однако меня сначала зачислили курсантом-пулеметчиком в Пермское пулеметно-минометное училище, которое располагалось в Красных казармах. Среди наших наставников в училище были офицеры, старшины и сержанты, уже побывавшие на фронте и продолжавшие службу в училище как выздоравливающие после ранений. Они хорошо знали чему и как нас учить. Особое внимание уделялось нашей физической подготовке. Занятия проводились в обстановке, приближенной к фронтовым условиям. Часто устраивались учебные боевые тревоги с марш-бросками при полной боевой выкладке. Было очень трудно, особенно в первое время.

Но фронту нужно было пополнение. Большую часть курсантов нашего набора досрочно, не дождавшись присвоения званий, направляли в действующую армию рядовыми солдатами в гвардейские части. Я тоже добился отправки на фронт, не дождавшись присвоения звания, рядовым солдатом. Нас погрузили в теплушки и мы двинулись на запад. Везли нас, по тем временам, невероятно быстро. Уже на четвертые сутки мы выгрузились на Курщине где-то в степи между

станциями в районе Старого Оскола. На месте разгрузки эшелона нас ожидали представители воинских частей, распределители по частям, я оказался в 290-ом гвардейском стрелковом полку 95-ой гвардейской стрелковой дивизии 5-ой гвардейской армии. Нас, новичков, быстро приобщили к фронтовой жизни, распределив по несколько человек среди бывалых солдат, прошедших Сталинградскую битву.

Дивизия уже была на марше. Ее передали из Степного в Воронежский фронт, и она сходу занимала боевые позиции под Прохоровкой на Белгородском направлении Курской дуги. Бои там были тяжелые, ожесточенные и кровопролитные. На всю жизнь мне запомнилось сражение 12 июля 1942 года, которое, как теперь стало известно, оказалось величайшим танковым сражением второй мировой войны. Мне и теперь кажется, что в тот день под Прохоровкой горели земля и небо. Через поля и балки на нас, казалось, непрерывным потоком ползли "тигры" и "пантеры", извергая на ходу огонь и сея смерть. В том сражении одновременно сошлись на узком участке фронта только одних танков более тысячи двухсот. На каждый километр фронта приходилось свыше сотни немецких танков. Через нашу дивизию, занимавшую по фронту участок около четырех километров, пыталась пробить брешь в обороне армия свыше четырех сот немецких танков во главе с дивизией "Мертвая голова".

Вражеские танки поддерживала авиация, артиллерия и минометы, прокладывая для них путь бомбами, снарядами и минами. За танками шла вражеская пехота. Мне казалось, что наш участок фронта бомбили не менее тысячи самолетов. Такое впечатление сложилось потому, что вражеские аэродромы находились неподалеку от линии фронта, и одна группа самолетов еще не успевала отбомбиться, как ее сменяла другая группа. Земля содрогалась от разрывов бомб, снарядов и мин, осыпались окопы. В тот день под Прохоровкой был сущий ад. Всем было невероятно трудно. Повсюду смерть вырывала наших бойцов. Пехотинцы, рискуя жизнью, поджигали вражеские танки бутылками с горючей смесью, подбивали связками гранат, артиллеристы громили танки прямой наводкой с близкого расстояния. Пришлось стрелять по смотровым щелям

танков, по немецкой пехоте, идущей за ними. Довелось испытать, что значит пропускать вражеские танки через свои боевые порядки и продолжать вести бой с наседающей пехотой, и многое другое, от чего и через многие годы сжимается сердце и замирает душа. Поэтому никому не поверю, что на войне не страшно. Для меня этот бой памятен еще и тем, что к исходу этого страшного дня нас в пулеметном расчете осталось только двое, наш пулемет был раздавлен немецким танком, а меня и моего товарища этот танк заутюжил в пулеметной ячейке. Нас посчитали погибшими и отправили родным похоронки. Хорошо, что в Пермском училище мы научились рыть надежные узкие и глубокие пулеметные ячейки. Да и прохоровская земля оказалась защитницей - очень плотная, не позволявшая танку до дна проутюжить ячейку... Откопали меня и моего товарища только на следующее утро солдаты нового пополнения.

После этого сражения я вошел в своем 290-ом гвардейском стрелковом полку еще недели две до своего первого ранения в ногу. Затем госпиталь и после него я попал в 38-ю армию. Там меня зачислили курсантом армейских курсов младших лейтенантов. Учеба чередовалась с боями. Так мы дошли до Днепра. Курсантом я участвовал в битве за Днепр и Киев. Эти бои были также очень тяжелыми. Мы форсировали Днепр южнее Киева через остров Казачий в составе сводной группы фронтового подчинения.

Тяжелым для меня был и последний неравный бой с превосходящими силами отходящих из Киева гитлеровцев 6 ноября 1943 года на южной окраине Киева. Тогда погибли трое из пяти пулеметчиков нашего расчета. Сам я был тяжело ранен в левую руку, но не оставил пулемета, продолжал бой и про-

держался до подхода основных сил наших курсантов. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. Меня раненного, истекающего кровью, боевые друзья - разведчики наших курсов вытащили с поля боя и определили на время у местных жителей - наши полевые госпитали остались где-то за Днепром. Поэтому я и лежал несколько дней в хате местных жителей без какой-либо медицинской помощи, лишь изредка приходя в сознание, пока друзьям-однополчанам не удалось устроить меня в какой-то импровизированный госпиталь, организованный киевлянами. Из медицинского персонала там был всего лишь один фельдшер, только что освобожденный из немецкого плена, да одна медицинская сестра. А у меня к этому времени уже развилось заражение крови - газовая гангрена. Однажды меня, видимо, посчитали умершим и вынесли в подвальное помещение. Там я провел ночь. На следующее утро обнаружили, что я живой...

Наши курсы младших лейтенантов сразу после освобождения Киева вывели из боев и всем курсантам, кроме меня и троих погибших моих товарищей, присвоили звания младших лейтенантов. А я и на этот раз остался простым солдатом.

Домой я вернулся гвардии рядовым, инвалидом второй группы после двух ранений, практически с одной рукой и вдобавок с глубокой дистрофией всего организма. Ведь у меня после тяжелого ранения и газовой гангрены была очень большая потеря крови. Чтобы найти место в жизни, я снова начал учиться. Окончил Пермский университет, затем аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и вот уже 50 лет работаю преподавателем математики. А пережитая война и теперь постоянно напоминает о себе.

● Г.С. Шевцов,
доцент кафедры
высшей математики

